

I. ИСТОРИЯ

Е.В. Новиков

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ГОРЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

В 1865 г. в связи с военной реформой в империи на Кавказе была введена военно-окружная система. Великому князю генерал-фельдцейхмейстеру Михаилу Николаевичу теперь подчинялись все войска и окружные учреждения. Он обладал несколько большими правами, чем командующие другими округами, и позже стал именоваться «командующий войсками и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (он же войсковой Наказной атаман Кавказских казачьих войск)», затем «главнокомандующий Кавказской армией (он же наместник Его Императорского величества на Кавказе)».

Великий князь провел ряд военно-административных преобразований, которых требовала новая обстановка. С упразднением Главного штаба армии и образованием военно-окружного управления были преобразованы и управления командующих войсками в Кубанской, Терской и Дагестанской областях. Здесь полевые войска вышли из подчинения этих командующих, а их управления реорганизованы на общем основании для дивизий и артиллерийских бригад.

В 1868 г. серьезные переформирования произошли в местных войсках, выполнявших большой объем задач внутренней службы в крае (караульной, этапной, конвойной и др.). Из имевшихся 37 кавказских линейных батальонов, 21 местной и 7 этапных команд образованы 24 линейных, 2 крепостных, 5 губернских батальонов, 18 уездных и местных команд и 4 этапные команды [1]. Все преобразованные части и подразделения остались в подчинении командующих войсками в областях Северного Кавказа и начальника местных войск в Закавказье.

Все эти изменения, по оценкам военных, «обусловили собою, так сказать, законченность преобразования Кавказской армии и, подведя округ под один уровень с округами внутренних губерний России, указали еще на один период существования войск и на положение края, который при

этих преобразованиях становился с того времени одной из обширных, вполне русских, провинций, где и помину не было о бывших военных и боевых тревогах».

Таблица 1
Численность списочного состава регулярных войск на Кавказе в период завершения и в первые годы после Кавказской войны [2]

Категория воен- нослужащих	Годы				
	1863	1864		1865	1866
	На 1.01	На 1.01	На 1.06	На 1.01	На 1.01
Офицеры	4325	4329	4440	4755	4470
Нижние чины	181718	183457	201342	185120	166867
Всего	186043	187786	205782	189875	171337

Таблица 2
Численность списочного состава Кавказских войск в последующие десятилетия позднеимперского периода [3]

Категория воен- нослужащих	Годы				
	1870	1880	1890	1900	1910
Офицеры	3019	3891	3791	3877	3248
Нижние чины	123194	119791	91317	95727	101144
Всего	126213	123682	95108	99604	104392

Данные таблиц 1, 2 говорят о намерении имперских властей после Кавказской войны снизить уровень военного присутствия в регионе (разумеется, в разумных пределах) и приступить к решению задач созидательных – «обратить бывших врагов в верных подданных Царя и подчинить их условиям гражданского быта». Так именно сформулировал основную цель политики в регионе наместник Кавказский, Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в своем верноподданническом отчете в 1866 г. [4]

Обеспечение благоприятных внешних условий для реализации этой очень непростой цели потребовалось использования всех имеющихся в арсенале русской власти сил и средств, в том числе военных.

В военное время, предстояло решить не только собственно военные задачи по подготовке и ведению боевых действий на вероятном театре войны, но и сплотить все народы Кавказа вокруг идеи единого отечества и подключить их к борьбе против общего противника, даже если в его рядах находились соплеменники и единоверцы. Безусловно, это требование не могло быть выполнено полностью и сразу, так как процесс осознания принадлежности к единому «большому дому» в лице Российской империи, реального приобщения к ее жизни был весьма длительным и также зависел от успехов национальной политики.

После 1864 г. с установлением мира на всей территории Кавказа военное ведомство продолжало играть важную роль в осуществлении планов русского самодержавия в отношении этой национальной окраины.

Охрана границ в Закавказье после вхождения его в состав империи ложилась в значительной степени на войска Кавказской армии (округа) и всегда считалась трудным и опасным видом служебной деятельности. Кордонная служба, как ее называли, сначала в основном лежала на расположенных здесь кордонами казачьих войсках и заключалась в карантинно-таможенном надзоре, борьбе с контрабандой и защите приграничного населения от набегов кочевников. Следует подчеркнуть, что к этой службе достаточно широко привлекались иррегулярные туземные части. К примеру, границу по новой линии после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. охраняли наряду с казаками гурийская пешая дружина и кутаисский конноиррегулярный полк. Со второй половины 1880-х гг. основные функции кордонной службы были возложены на сформированный в Закавказье корпус пограничной стражи. Однако из-за несоответствия его численности реальным потребностям надежного обеспечения охраны рубежей на всем протяжении границы края окружное командование продолжало командировать в помощь страже войска, бравшие на себя функцию борьбы с кочевниками.

Участившиеся к середине 1880-х гг. набеги с сопредельной территории привели «к осознанию неотложной необходимости в войсках» во многих пунктах пограничной зоны, ибо, по словам Главноначальствующего гражданской частью, командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта А.М. Дондукова-Корсакова, «татарское население и кочующие курды этих местностей, чувствуя отсутствие военной силы, проявляют дикие инстинкты в виде насилий, грабежей и разбоев над мирными обитателями Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний» [5]. Для усиления границы в районе Муганской степи из Дагестана туда был вызван туземный Дагестанский конно-иррегулярный полк, который с тремя сотнями 1-го Хоперского казачьего полка составил отряд под общим командованием полковника князя Чавчавадзе. Некоторые пограничные посты усилили местные команды, прибывшие из ряда населенных пунктов.

При переходе границы злоумышленниками 28 и 29 декабря 1903 г. на участке населенных пунктов Таза-кент и Кимшигу и энергичное их преследование казаками 2-й сотни 1-го Сунженско-Владикавказского полка под командованием есаула Хатаева, закончившееся передачей населением шести разбойников вместе с их предводителем, оказало настолько сильное впечатление на потенциальных нарушителей, что после этого случая прошло несколько месяцев полного спокойствия в данной части границы.

О многом говорит уже тот факт, что в августе 1909 г. состоялось закрытое совещание в российском правительстве под председательством премьер-министра П.А. Столыпина по вопросу об упорядочении положения дел на кавказско-персидской границе. На нем подчеркивалась неспособность и бессилие шахского правительства принять какие-либо действенные меры по обузданию шахсевенских племен, систематически нарушавших границы России. Говорилось также о необходимости определить более точную границу в Муганской степи и о дополнительных мероприятиях по охране кавказских рубежей империи [6].

Как следует из приведенных данных, центральные и местные власти пытались делать все, чтобы обезопасить границу с Турцией и Персией в Закавказье, используя при

этом военные силы, в том числе и местные иррегулярные войска и средства для борьбы с вылазками кочевников. Надо заметить, что сами туземные жители приграничной полосы нередко оказывали содействие войскам и пограничной страже, даже рискуя жизнью.

Особой по силе своего влияния и наиболее острой формой воздействия внешнего фактора на население Кавказа и, соответственно, административную политику в регионе являлась, безусловно, война. Хронологические рамки исследования позволяют нам рассмотреть в обозначенном ракурсе русско-турецкую 1877–1878 гг., Первую мировую 1914–1918 гг. войны, когда часть территории Закавказья входила в театр военных действий, и в какой-то степени русско-японскую 1904–1905 гг., в которой участвовали полки горских добровольцев.

К началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда встал вопрос о необходимости содействия коренного населения Кавказа регулярной армии, русское командование уже располагало богатым опытом формирования иррегулярных туземных частей, восходящим еще к временам Екатерины II. Практиковал создание отрядов временной милиции из «мирных» горцев Северного Кавказа в качестве вспомогательной силы для действующих здесь регулярных войск генерал А.П. Ермолов. В войнах с Персией и Оттоманской Портой в первой половине XIX в. активно привлекал к боевым действиям горскую милицию и закавказское ополчение генерал И.Ф. Паскевич. Только в отряде Гессе в войну с турками в 1829 г. милиция составляла более половины всего состава: на 1216 чел. регулярных войск приходилось 1315 чел. милиционеров [7].

По данным историка В.Б. Вилинбахова, в кампании 1855 г. в Крымскую (Восточную) войну в иррегулярных частях из различных народностей Кавказа сражалось до 30 тыс. чел., в том числе 18 тыс. (74 конных и 66 пеших сотен) азербайджанцев, грузин и армян, 12 тыс. представителей народов Дагестана, Северной Осетии, Кабарды и других областей Северного и Западного Кавказа. Такая серьезная ставка на милиционные формирования из коренного населения Кавказа в первой половине — середине XIX в. объяснялась недостаточной силой кавказских войск.

После Кавказской войны и реорганизации в результате милютинских реформ русской армии в целом и кавказских войск в частности военная роль местной милиции уменьшилась. Однако угроза войны с Турцией и вероятность ее ведения на двух театрах одновременно – Балканском и Кавказском – заставили командование Кавказской армией в 1876 г. заняться подготовкой призыва временных милиций Кавказского края. По поручению помощника Главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта Д.И. Святополк-Мирского полковник Генерального штаба Краевич составил предварительную записку по этому вопросу, обобщив опыт формирования подобных частей, а начальники областей и губерний наместничества согласно полученным указаниям представили свои соображения. Военные отдавали себе отчет в полезности использования туземных иррегулярных частей. Начальник штаба действующего корпуса генерал С.М. Духовской отмечал, что «милиционные войска... для действия в самом крае незаменимы: никто не нанесет неприятелю действиями на его сообщения больше вреда, чем предприимчивые местные жители». А тот же Краевич, изучавший и раньше боевые возможности милиции, в одном из своих трудов писал: «Способность к аванпостной службе и действиям малой войны, воинственный дух, привычка и умение обращаться с оружием, знания и привычка к горной местности делают из милиции превосходное войско для выполнения всех действий до решительной встречи с неприятелем и при столкновении в открытом поле, по крайней мере, с турками; милиция, несмотря на неправильность строя, отсутствие дисциплины и вообще, несмотря на свой главный характер как войска иррегулярного, одерживала блистательные победы. Нужно воспользоваться военными способностями населения, которое еще не отвыкло от оружия и радостно откликается на военный призыв» [8].

Действительно, многие исторические источники свидетельствуют о том, что милиция всегда формировалась без каких-либо серьезных осложнений, особых принудительных мер и при изрядном количестве добровольцев. Существенной стороной дела для милиционеров была возможность кое-что заработать и заняться настоящим, почетным в горской среде, мужским делом. Забота о наборе милиционе-

ров, их обмундировании и снаряжении ложилась целиком на сельские общества, а уже в составе той или иной иррегулярной части каждый всадник (ратник) получал жалованье от правительства.

Поэтому в течение сравнительно короткого срока из местного населения к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было сформировано 8 пеших и конных полков, 6 дружин, 4 конных дивизиона и 3 пешие сотни. Из них 6 пеших дружин, 1 конный полк, 2 дивизиона и 2 сотни были укомплектованы грузинами, 3 дивизиона – армянами, 1 полк и 1 сотня – азербайджанцами, 2 полка – дагестанцами, кабардинцами и другими народами Северного Кавказа. Число добровольцев превзошло все ожидания. Так, в ходе формирования конно-иррегулярного полка из ингушей и осетин, получившего название Терско-горского, в первую же неделю после объявления набора желание поступить в него изъявили 345 осетин и 324 ингуша (при утвержденном временном переходном штате в 504 чел. для туземцев: 480 всадников, 8 юнкеров, 16 урядников [9]).

Всего на Кавказе предполагалось сформировать 175 конных и 76 пеших сотен, в составе которых было бы 997 офицеров и 37921 милиционер, но фактически от начала мобилизации до конца войны в разное время было создано 19 конных полков, 6 конных дружин, 6 конных дивизионов, 44 отдельные конные сотни, 15 пеших дружин и 18 отдельных пеших сотен, т.е. 200 конных и 85 пеших сотен (39200 чел.).

Следует особо подчеркнуть тот факт, на который обращает внимание исследователь Т.Х. Муталиев, справедливо заметивший, что в составе национальных иррегулярных частей в качестве офицеров и нижних чинов воевали и представители других народов, в том числе русские.

До завершения кампании, когда ее исход на кавказском театре был фактически предрешен, и наступления зимних холодов (1877–1878 гг.) часть иррегулярных туземных войск подверглась расформированию. Кроме военной целесообразности, по мнению командования, «ропуск всадников из горцев имел... и ту выгодную сторону, что милиционеры рассказывали бы населению о разгроме турецкой армии, на содействии которой местные агитаторы все еще основывали свои безумные мечты».

В исторических источниках и литературе, посвященных русско-турецкой войне 1877–1878 гг., содержатся многочисленные свидетельства героизма, доблести и отваги, проявленных личным составом национальных иррегулярных формирований, действовавших как на балканском театре военных действий, так и на кавказском. Отметим лишь следующее. Высших наград для воинских частей — Георгиевских знамен с надписью «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов» в соответствии с указами императора удостоились: осетинский и ингушский дивизионы Терско-Горского конно-иррегулярного полка, Закатальский конно-иррегулярный полк, 2-я Грузинская, 1-я и 2-я Кутаисские пешие дружины, а с надписью «За взятие Карса 6 ноября 1877 года» — 3-й Дагестанский конно-иррегулярный полк. Почетными знаменами по ходатайству Главнокомандующего и заключению местной георгиевской кавалерской Думы императорским указом были награждены Александропольский и Чеченский конно-иррегулярные полки. Из сотен награжденных кавказцев отметим первого в России полного кавалера Георгиевского креста, «для нехристиан установленного», юнкера 2-го Дагестанского полка, лакца по национальности, Лабазана Ибрагима Халилоглы и награжденного четырьмя Георгиевскими крестами аварца Гаджи-Магомед Халакова.

Согласно решению высшего командования в действующую Дунайскую армию были отправлены Кубанский и Терский эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки и Терско-горский иррегулярный полк. Начальник штаба Кавказской казачьей дивизии (куда входил и Терско-горский полк) П.Д. Паренсов писал: «Совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, центавры».

«Этот народ, — доносил командир Кавказской казачьей бригады полковник И.Ф. Тутамлин командующему западным отрядом Зотову, — заслуживает из ряда вон выходящей награды за свою безупречную, безграничную храбрость». Воинские достоинства горцев отмечали многие очевидцы. Докладывая командиру казачьей бригады о сражении при деревне Дели-Сула, командир Владикавказского полка писал: «Осетины дрались со свойственной им отвагой... Полагаю своим долгом доложить об отличной распорядительности командира Осетинского дивизиона ротми-

стра Есиева, об отличиях, оказанных сотниками и субалтерн-офицерами, а также нижними чинами» [10].

В начале октября 1877 г. из-за настойчивых просьб всадников, желавших принять участие в боевых действиях с османами, был переведен в армию Ингушский дивизион. Особенно отличился Ингушский дивизион в боях за с. Кацелево. «Поведение ингушей и гусар в стычке с неприятельскою пехотою выше похвалы, особенно ингуши, — писал командующий XIII армейским корпусом генерал-адъютант М. Дондуков-Корсаков. — Они с безответною храбростью и настойчивостью бросались на неприятеля, осыпавшего их пулями...».

За отличие в бою у с. Кацелево были награждены ингуши: командир дивизиона подполковник Банухо Базоркин — орденом Анны 2-й степени, ротмистр Николай Альдиев — орденом св. Анны степени с мечами и бантом, прапорщик Артаган Мальсагов — орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», подпоручик Маги Наврузов был произведен в поручики.

Высоко оценил всадников Осетинского дивизиона полковник лейб-гвардии Преображенского полка А.А. Берс: «Лучшей кавалерии для горной службы нельзя себе вообразить, их лошади в горах как у себя дома, и нет никакой такой горы, на которую не мог бы забраться осетин, частью верхом, а где ведя лошадь в поводу. Осетин ловок, глаз у него зоркий, любит свою лошадь, редко натрет ей спину и сам довольствуется малым, но всегда молчалив, не хвастлив».

За отличие в боях всадники и офицеры были отмечены различными наградами. Знаками отличия Военного ордена были награждены Муса Ганижев, Кути Куржиев, Эльмурза Гонгов, Иса Мальсагов, всего 28 человек. В офицеры были произведены: участник еще Крымской войны кавалер трех георгиевских крестов Муртуз Дзортов и Магомед Мальсагов.

В январе 1878 г. Осетинский дивизион участвовал в бою у Татар-Базарджика за освобождение Филипполя (Пловдив), в сражениях у с. Чатак, Чепеляр, Дердери и др. В этих боях отличились поручик Г. Есенов, корнет К. Абисалов, есаул И. Гантов, майор А. Кубатиев, подполковник Г. Абисалов, сотник И. Шанаев, прапорщик К.

Абисалов, ротмистр А. Есеинов и многие другие, которые были отмечены наградами. Рядовым Терско-горского иррегулярного полка одновременно было выдано свыше 200 георгиевских крестов. Среди них рядовые Осетинского дивизиона Б. Мальдзихов, Э. Доев, К. Туриев и др., всего 46 человек.

В составе действующей Кавказской армии на кавказском театре военных действий были образованы из горцев Северного Кавказа конно-иррегулярные полки: Кабардино-Кумыкский (состоящий из четырех сотен кабардинцев, одной сотни кумыков и одной сотни салатавцев), Чеченский, два Дагестанских полка (по 6 сотен).

Эти соединения принимали участие почти во всех основных сражениях войны.

За особое отличие в боях при одной из блестящих операций войск — штурме крепости Карс — 3-й Дагестанский полк был награжден Георгиевским знаменем с надписью «За взятие Карса», а всадники полка получили знаки на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну». 97 всадников были награждены медалями.

Боевых орденов также удостоились Д. Нурахманов, И. Казанбиев, Д. Ханмурзин, А.Е. Кантемиров, Т. Козырев, А. Алданов, Б. Кубатиев, З. Хуцистов и многие другие.

Показательно, что среди командного состава действующего корпуса было немало выходцев из многонационального Кавказа. Достаточно перечислить имена таких «ключевых фигур», как армянин, командир действующего корпуса генерал от кавалерии М.Т. Лорис-Меликов, армянин, командир Эриванского отряда генерал-лейтенант А.А. Тергукасов, грузин, начальник кавалерии генерал-майор З.Г. Чавчавадзе, грузин, командир 3-й, затем 4-й сводно-кавалерийской дивизии генерал-майор И.Г. Амилахвари и др. Кстати, некоторые из них впоследствии сделали прекрасную для военного человека карьеру, а М.Т. Лорис-Меликов в 1880–1881 гг. возглавлял Министерство внутренних дел.

Опыт мобилизации населения Кавказа на войну в 1877–1878 гг. использовался в русско-японской войне 1904–1905 гг. Когда было принято решение создать из горцев-добровольцев (мусульмане призыву не подлежали)

«12 сотен по народностям», кавказская военная администрация в короткий срок сформировала Терско-Кубанский и доукомплектовала 2-й Дагестанский полки, составившие Кавказскую конную бригаду. Ее возглавил генерал-майор Г.И. Орбелиани, а полки – соответственно полковники П. Плаужин и Г. Хан-Нахичеванский, все из гвардии. Горская общественность (собрания дворян, советы старейшин и т.п.) и остальное население оказывали помощь администрации. Так, на сборные пункты Кубанской области, где комплектовались две сотни желающих поступить на службу, прибыло в полтора раза больше, чем требовалось, несмотря на предварительную разнарядку по аулам. Расходы на приобретение лошадей и снаряжения были покрыты за счет пожертвований из аульных общественных сумм. Проводы проходили с высоким патриотическим подъемом, с принятием присяги (по своей вере), молебнами, музыкой. На пути конных переходов к месту сбора в Армавире горцев радушно приветствовало население. В мае 1904 г. полки были отправлены на фронт и уже в июле приняли участие в боевых действиях. Во многих сражениях той войны проявили они мужество и отвагу.

Многие горцы получили высокие воинские награды, а некоторые солдаты были представлены к офицерским чинам. После окончания войны прибывших с фронта встречали на родине очень торжественно, как прославленных сынов России, что весьма показательно с точки зрения проводимой национальной политики. В обращении Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, Наместника Его Императорского Величества на Кавказе генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа И.И. Воронцова-Дашкова 26 апреля 1906 г. к воинам бригады со знанием горской психологии говорилось: «Скажите всем, что Вы честно, не щадя своей жизни служили своей Родине России и ея Верховному Государю Императору Николаю II. Вспоминайте боевые подвиги, вспоминайте честную кровь, и славные раны павших на поле брани Ваших товарищей. Утрите слезы матерей, потерявших своих достойных сынов на далекой окраине. Передайте им последнее приветствие и чаще рассказывайте им, как честно умирали они, не посрамляя своей Родины – России и дорогого им родного аула. Спасибо Вам, храбрые воины, добровольно ходившие

на ратное поле и честно послужившие Отечеству! Спасибо Вам за Ваш подвиг! Да будет отныне счастлива Ваша долгая жизнь у родного очага и мирного плуга!» [11].

К началу Первой мировой в составе войск Кавказского военного округа (затем Кавказской армии) не было отдельных крупных национальных формирований, поскольку еще с 1899 г. призыв новобранцев из коренного населения Кавказа стал проводиться на общих основаниях согласно действующему в империи «законоположению о всеобщей воинской повинности христианского населения», когда на округ стали распространяться действующие в империи законоположения о всеобщей воинской повинности [12]. Ратуй в своем верноподданнейшем докладе за налаживание всестороннего обеспечения войск, И.И. Воронцов-Дашков подчеркивал необходимость «для поддержания дисциплины и строгого внутреннего порядка обеспечить нижних чинов от казны всем необходимым для солдатского обихода... тогда... при нравственном воздействии на них, они отнесутся к исполнению долга службы с большим рвением, и тогда пропаганде труднее будет проникнуть в войска». Что примечательно, в этом месте доклада стоит пометка, сделанная рукой императора: «Пророчески верно» [13].

В 1906 г. были высочайше утверждены подготовленные под руководством И.И. Воронцова-Дашкова новые «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям», по которым воинские части и подразделения могли привлекаться лишь в крайних случаях.

С 1906 г. кавказских горцев стали отправлять в другие военные округа России. И.И. Воронцов-Дашков считал, что кавказские народы «по своей природной приспособленности к военному делу» могут приносить большую пользу общему Отечеству. В верноподданнейшем отчете за 1910 г. он докладывал царю свое мнение по этому поводу: «Умелое, с небольшими предосторожностями, введение воинской повинности у мусульман Кавказа не вызовет никаких волнений, и народы эти дадут не только отличных солдат, но и отличные специальные части, которые вначале даже желательно сформировать из некоторых племен, как переходную ступень к общему порядку призыва».

Но с самого начала Первой мировой войны призыв о формировании добровольческих конных полков для Кавказской туземной дивизии нашел отклик у горских народов. Как известно, инициатором ее создания и первым начальником стал великий князь Михаил Александрович. В дивизию вошли шесть полков четырехсотенного состава: Дагестанский, Кабардинский, Ингушский, Татарский, Черкесский и Чеченский, а впоследствии введен казачий конно-артиллерийский дивизион. В этом составе осенью 1914 г. дивизия была отправлена на Юго-Западный фронт. С легкой руки австрийцев, столкнувшихся с наводящими страх «дикими regimentами», дивизия получила название «дикий». Важно отметить, что в боевых условиях «дикая дивизия» отличалась не только доблестью, но и «красотой межнационального общения», о которых рассказывает в своих воспоминаниях ротмистр Ингушского полка А.А. Марков.

Состав офицеров дивизии был интернациональным. «Были здесь громкие имена, известные кавказские офицеры – рыцари и герои, были совсем дикие и неграмотные прапорщики горской милиции из глухих горных аулов, храбрые и достойные люди в своей среде, но у которых, конечно, офицерского было только единственно звездочка на погонах». Старшие офицеры, штаб-офицеры и командиры сотен — все прекрасные кавалеристы, так или иначе имели отношение к Кавказу. Это были грузинские князья Багратион, Чавчавадзе, Дадиани, Орбелиани; горцы-султаны Бекович-Черкасский, Хагандоков; ханы Эриванские, шамхалы Тарковские; русские гвардейцы Гагарин, Вадбольский, Святополк-Мирский, графы Келлер, Воронцов-Дашков (сын наместника на Кавказе), Толстой, барон Врангель и др. В дивизии сохранялась атмосфера офицерских традиций, но «местные условия» диктовали создание и утверждение новых неписанных правил. Например, перед началом офицерского собрания адъютанты полков подсчитывали, сколько за столом сидит магометан и сколько христиан. Если было больше магометан, все оставались в папахах, как этого требовали мусульманские обычаи, а если преобладали христиане, то мусульмане подчинялись их обычаям и снимали папахи. Такое взаимное уважение укрепляло сплоченность в дивизии. А местное население в

Галиции, где дислоцировалось соединение, не верило, что офицеры-христиане могли командовать таким «бардзо фантастичным и экзотическим вуйскем» [14].

Что касается войск Кавказского округа, то в начале войны около двух третей его войск было отправлено на Запад. В ноябре 1914 г., когда после рейда турецкого флота против русских черноморских портов Россия объявила войну Турции, развернутая в Закавказье Кавказская армия из-за недостаточной численности не могла проводить широких наступательных операций.

Стремление турецких войск захватить инициативу в начальный период военных действий натолкнулось на такое противодействие, что уже в конце 1914 г. в Сарыкамышском сражении они потеряли все три корпуса своей Третьей армии. Здесь особо отличилась 39-я пехотная дивизия, в составе которой было немало представителей кавказских народов. Так, 14-я рота 154-го пехотного Дербентского полка капитана Вашакидзе в ходе блестящей атаки в штыки захватила 8 стрелявших орудий, взяла в плен командира 9-го турецкого корпуса храброго и любимого войсками Исхана-пашу, начальников трех дивизий с их штабами, 107 офицеров и 2000 аскеров.

Победы на Кавказском фронте в 1914–1917 гг. и продвижение русских войск в глубь турецкой территории на 250 км разрушали планы турецкого и германского командования, заставляли их отвлекать силы османской армии с других фронтов.

Характерное настроение во время войны многих рускоподданных мусульман выразил один из потомков крымских ханов Султан-Довлет Гирей: «Мое убеждение как гражданина-магометанина, а также многих других, которых я хорошо знаю, таково, чтобы Турция была бы великой магометанской культурной страной, а вместе с тем — дружественной с нашей Великой Россией. Поддаваться влиянию немецких интриг недостойно для Турции, как страны, желающей стать во главе магометанского мира».

Значительная часть всех кавказских войск стала основой вооруженных сил Закавказской демократической федеративной республики, провозглашенной в результате революционных событий в России в апреле 1918 г., и участвовала в отражении наступления турецкой армии.

Таким образом, в военной политике кавказской и общероссийской администрации на Кавказе в условиях ведения внешних войн ключевыми, на наш взгляд, являлись следующие вопросы: формирование соответствующего отношения населения к защите единого Отечества; деятельность правительственных и военно-административных центральных и местных органов по мобилизации (не в узко военном смысле) кавказских народов на борьбу с внешней угрозой; использование военным командованием фактора «двойственной лояльности» мусульман и пророссийских симпатий христианского населения Турции и Персии.

Надо иметь в виду, что значительные массы кавказцев, главным образом мусульман, из-за своих прочных религиозных («исламская солидарность»), а также этнических и нередко прямых родственных («разделенные народы») связей со своими зарубежными единоверцами и единоплеменниками не воспринимали войну, скажем, с Турцией как непосредственную для себя угрозу.

Нет ничего удивительного и противоестественного в том, что у многих коренных жителей, отличающихся своеобразной культурой, религиозная и этническая идентичность длительное время превалировала над осознанием своего подданства Российской империи со всеми вытекающим отсюда обязанностями, долгом и т.п. Задача власти как раз в том и состояла, чтобы, подчиняя туземцев «условиям гражданского быта», грамотной политикой сделать империю для них «общим домом», единым Отечеством, предоставляющим прежде всего гарантии безопасной жизни. Ведь в памяти многих кавказских этносов сохранились разрушительные последствия походов и правления персов и османов. По мнению военного исследователя В. Попова «присоединение к России, к ближайшему северному соседу, для большинства народов южных регионов было не только меньшим злом, но и спасением от порабощения восточными империями, менее развитыми, несущими рабство и нищету» [15].

В военное время второй половины XIX – начала XX в. закладывались и развивались традиции боевого содружества русского и кавказских народов, а русская армия с учетом расширения ее состава за счет представителей национальных окраин постепенно становилась в известном

смысле российской имперской армией, защищающей интересы отнюдь не только правящей самодержавной верхушки.

Литература

1. Голос Дагестана. 1917. 30 апр.
2. Терский вестник. 1917. 16 июля.
3. *Кокиев Г.* Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6.
4. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Вып. 3. Краснодар, 1927.
5. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской, армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870.
6. *Гассиев А.* Земельно-экономическое положение туземцев и казаков Северного Кавказа. Владикавказ, 1909.
7. *Акиев Х.А.* Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877—78 гг. // Вопросы истории. 1980. №1.
8. *Мегрелидзе Ш.* Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тбилиси, 1909.
9. *Паренсов П.Д.* Из прошлого // Русская старина. 1890.
10. Воспоминание офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877—1878 гг. А. Берса, СПб., 1899.
11. *Гизетги А.А.* Сборник сведений о георгиевских кавалерах и; боевых знаках отличия Кавказских войск. Тифлис, 1901.
12. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
13. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (сер. XVI — нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
14. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
15. *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь // Звезда. 2000.
16. *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1998.
17. Россия и Кавказ сквозь два столетия // Звезда. 2001.
18. *Пляскин В.П.* Военные аспекты государственной национальной политики России на Кавказе (1864–1917 гг.). Ростов н/д, 2002.
19. *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен и до конца XX века. М., 1996.
20. *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып.1. Гребенское войско. СПб., 1880.
21. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. 1877.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив

- (РГВИА). Ф.1. Оп.2. Д.637. Л.8.
2. РГВИА. Ф.1. Оп.2. Д.634. Л.49–53, 56.
3. РГВИА. Ф.1. Оп.2. Д.639. Л.1; Д. 652. Л.1; Д. 662. Л.1; Д. 674. Л.2; Д. 686. Л.9.
4. Верноподданнический отчет за 1866 г. наместника Кавказского, Главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича.
5. Всеподданнейший отчет за 1886 г. Главноначальствующего гражданской частью, командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта А.М. Дондукова-Корсакова.
6. АВПРИ. Ф. Персидский стол. Оп. 488. Д. 2293. Л. 74–76, 84.
7. *Колюбакин Б.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и Малой Азии: В 2 ч. Ч.1. СПб., 1906. С. 263.
8. Краевич. Военный обзор Рионского края. Тифлис, 1870. С. 160.
9. РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 7382. Л. 98.
10. *Колюбакин Б.* Указ. соч. С. 291.
11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 11. Д. 77226. Л. 102.
12. *Киракосян А.* Великобритания и армянский вопрос (90-е годы XIX века). Ереван, 1990. С. 91.
13. РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 680. Л. 12.
14. *Марков А.Л.* В Ингушском Конном полку (Кавказская Конная Туземная дивизия). М., 1997. С.42.
15. *Попов В.В.* Национальная политика Российского государства (1800–1880 гг.): военно-исторический аспект. М., 1996. С.129.

К.В. Таран

КРЕСТЬЯНСТВО ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Тема участия черноморских крестьян в революционном движении в период Первой русской революции советскими историками до конца не раскрыта. Утверждения, что пролетариат губернии являлся гегемоном революции, его движущей силой, не имеет оснований [1]. Деятельность либеральной интеллигенции и сторонников партии социалистов-революционеров практически вычеркнута из историографии прошлого столетия. Однопартийное государст-